

Роман Клыч

Гибрид

Роман Клыч

Гибрид

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70381201
SelfPub; 2024*

Аннотация

Робот-цветочник исправно служил своему человеку, пока однажды, во время обучения, нейронная сеть, ответственная за распознавание эмоций и чувств, не дала сбой.

Роман Клыч

Гибрид

[Цель существования: служение Рикю. Нейросеть общих знаний: в норме. Нейросеть цветочника: в норме. Нейросеть эмоций и чувств: в норме.]

Мерно жужжали сервоприводы. Под ногами шуршала галька. Стеклянная теплица сияла во мраке, словно храм тысяч светлячков. Непроницаемое небо будто проглотило все звезды. Горизонт слился в неразличимое полотно пустоты. И только искусственный свет от ламп извлекал из тьмы кроны деревьев, цветущие кусты, очертания соседней теплицы и две дорожки, два пути: один уводил во мрак, другой – к свету.

Распахнулась стеклянная дверь. Выглянул Рик, одетый, как всегда, в домашние тапочки, спортивные штаны и футболку с вытянутым воротом.

- Сюда иди! – крикнул он.
- Вы даете разрешение на вход?
- Твою ж... Заходи! Можно!

Лампы досветки, словно миниатюрные солнца, светили с высокого прозрачного потолка. Будто артисты карнавала, разодетые в диковинные наряды, на столах стояли орхидеи. Стройные стебли гордо держали вереницы цветков, похожих на парящих в воздухе птиц, танцующих балерин, бабочек с

узорчатými крыльями. Некоторые я видел впервые, другие – Рик возил на выставку.

– Чего так медленно, вершина эволюции? – спросил он.

– Мои ноги не предназначены для бега.

– Ты ведь здесь никогда не был. Что скажешь?

Информация о нескольких гибридах отсутствовала в специализированной нейронной сети цветочника. С неизвестным я столкнулся впервые.

– Лампочки-то забегали, гляди. Тише-тише, не волнуйся ты так, – сказал Рик.

Эмоледы – три вертикальные линии светодиодов, расположенные на моем корпусе по центру, возбужденно мигали. Будто струны души, оголенные, выставленные напоказ, они служили индикаторами состояния нейронной сети, отвечающей за распознавание эмоций и чувств и их имитацию. Важный интерфейс для взаимопонимания человека и робота.

Было приятно, что Рик обратил на эмоледы внимание, и те подмигнули в ответ.

– Что знаешь о кофейной орхе? – спросил он.

Ее цветки напоминали половинки грецкого ореха.

– Ничего, – ответил я.

– Пахнет кофе, закачаешься... – сказал он почти мечтательно. – Вот, послушай.

– Не умею.

– Ну да, у тебя и носа-то нет. Это что! Я наконец скрестил кофейную с желтой медовой.

– В моей нейросети нет о ней информации.

– Эх, ты, музыкант.

– Простите, Рик, но вы ошибаетесь. Я цветочник.

– Не спорь со старшими. Пораскинь мозгами, или что там у тебя. Корпус, голова, руки – все из белоснежного пластика. Камеры в круглой оправе, будто ты интеллигентный очкарик, окончивший консерваторию. А пальцы-то? Зачем такие тонкие?

– Чтобы ухаживать за цветами.

– Да брось ты – на пианино бацать!

Он «пробежался» по воздуху пальцами, словно по невидимым клавишам. Убедительно, но музыка меня никогда не интересовала.

– В общем, я двадцать лет выводил этот гибрид. Если утром будет пахнуть кофе, а вечером – медом, мы точно займем на выставке первое место.

– И тогда вы будете счастливы?

– Чего? Какое счастье в мои годы? Нет, я... буду знать, что не зря жизнь прожил.

– Простите, но вы уже вывели столько новых гибридов. И Эрме ваши цветы нравятся.

– Это все не то. Тебе не понять. Да неважно, лирика это все. Что ты знаешь о скрещивании орхидей? – спросил Рик.

– С одной на другую переносят пыльцу, затем вырастает коробочка с семенами.

– Ну вот! – развел он руками. – А хотели денег содрать.

Показывай.

– Что именно?

– Вот две орхи. Опыляй.

– Но у меня нет таких инструкций.

– Что за ерунда?

– Нужна специально обученная нейросеть. Вы дадите доступ в интернет для ее покупки?

– Его отключили! Еще и за программу платить!

Его сердце сбивчиво колотилось. Сахарный диабет не шутки. Рик постоянно носил инсулиновую помпу-дозатор, которая регулировала уровень сахара в крови, но не всегда поспевала за перепадами настроения. Это невыносимо, когда самый близкий человек увядает, становится раздражительным и несчастным. Тем более, когда цель твоего существования, твое собственное счастье зависит только от него.

– Рик, у вас аритмия.

– Отвали!

Он оперся руками на стол и какое-то время часто и громко дышал.

– Слушай, какие еще варианты? – спросил он.

– Можем попробовать функцию обучения. Правда, должен предупредить, она не гарантирует результат.

– И что делать?

– Показывайте, объясняйте.

– Мучайтесь, унижайтесь, – передразнил он. – Мало тебе заменить старика, так ты еще и издеваться вздумал?

– Что вы, я лишь предложил.

– Предложил он. Ладно, попробуем.

Он выставил перед собой руку. Его пальцы подрагивали.

Я в точности скопировал движение.

– Трясучку-то убери. Вот так. Держи пинцет, крепко держи! – он подошел к столу с розовыми орхидеями. – В центре цветка есть маленький лепесток, его нужно оторвать.

Рик наклонился к цветку, сосредоточенно сопел и целился лапками пинцета в остrokонечный лепесток, борясь с дрожью в руках. Наконец, он схватил лепесток за кончик, отделил и перевернул. В маленькой шелковистой чашечке, словно в ладошках, приютились два миниатюрных, не больше капель росы, оранжевых шарика.

– Идем к белым орхам, посадим пыльцу.

Вдруг его рука дрогнула, лапки пинцета разжались. Генетический материал улетел вниз и затерялся среди серых камешков.

– Ядрена тля! Где он?

– Простите, не заметил.

– Бесплезная железяка!

– Можно я попробую?

Точными движениями я отделил лепесток и посадил добытые шарики пыльцы под лепесток соседнего цветка.

– Bravo! Робот, ты просто умничка!

Светодиоды на груди три раза мигнули в унисон. Рик хлопал меня по плечу. Я был в восторге, будто безошибочно

доиграл сложный этюд и зал аплодировал.

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

Идея опылить сразу два цветка в одно движение, удивить Рика, пришла внезапно. В ожидании приближающихся похвалы и восторга светодиоды взбесились, мерцали, будто стробоскопы. От яркости Рик прикрылся рукой и отвернулся.

[Нейросеть эмоций и чувств: ошибка доступа.]

В следующий момент, словно лопнувшая гитарная струна, взвизгнули сервоприводы, мои руки устремились в атаку и вырвали сердцевину двух цветков. Розовые лепестки опускались на стол, словно затонувшие лодочки на дно.

– Ты что натворил, лопух!

Рик отвесил мне крепкий подзатыльник. Эмоледы уныло погасли.

– Простите. Можно еще раз?

– Хватит, попробовал уже. Букет для Эрмы готов?

– Нет, нет, нет! Опаздываю!

– Шевели костылями!

Роботы не опаздывают и тем более не вредят имуществу, что является базовым правилом, работающим при любых обстоятельствах, как абсолютные законы логики, законы, которые каким-то образом все же были нарушены. Попытка удивить Рика с треском провалилась. Лучше уж триумф в малом зале, чем фиаско в большом.

В моей теплице было тихо. Взошло солнце и белые хризантемы засияли в его лучах, словно праздничные фонарики. На груди слева щелкнула пластиковая крышка и отъехала в сторону. Я вынул секатор из углубления, зажал стебель цветка – тот хрустнул под натиском острых лезвий.

Эрма приходила почти каждый день и ее всегда встречал Рик. С некоторых пор она осталась единственным нашим клиентом. Рик сказал, что остальные либо умерли, либо уехали в поисках счастья. Говоря о себе, он лишь отшутился, что его счастье находится в орхидейнике. Почему не уехала Эрма, я не знал.

Рик вбежал в теплицу, нарядный, в белоснежной рубашке и вельветовых штанах, и молча выхватил букет. Наверное, все еще злился за испорченную орхидею.

Видеокамера, установленная над входом в цветочную лавку, оповестила о движении. Я подключился к трансляции. Эрма шла по дорожке между пышных гортензий, словно плыла в облаках. Ее кудрявые седые волосы торчали в разные стороны, будто шапка пуха одуванчика. Одуванчик – так я ее и прозвал. Хотя она об этом не знала: мы ни разу не встречались. До того дня.

Эрма поднялась на крыльцо, толкнула стеклянную дверь и вошла в цветочную лавку. По обе стороны стояли стеллажи с цветами в горшках и с разной садовой утварью: лопатками и грабелями, лейками и пульверизаторами, секаторами и ножницами, фигурками гномов в красных остроконечных

шапках.

Из двери за стойкой на кассе выпорхнул Рик. Будь у него эмоледы, сияли бы ослепительнее ламп досветки.

– Чудесный букет, – сказала Эрма и улыбнулась. – Рик, вы цветочный волшебник.

– Да ну, что вы.

– Я должна кое в чем признаться.

Он поперхнулся и прокашлялся.

– Мне, – начала она, – Я скоро... Уеду к дочке, вот.

– Надолго?

– Боюсь, что надолго. У меня Альцгеймер. Лечение в пансионате под наблюдением, иначе никак. Да, Рик, не знаю, как я проживу без ваших цветов...

– Может, возьмете с собой орхидею?

– Кто же за ней ухаживать будет?

– Это несложно, я дам инструкцию. Робот, принеси кофейную орху, – связался со мной Рик через гарнитуру, вставленную в ухо.

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

Эмоледы вспыхнули, словно прожекторы на сцене во время выступления. Шаг за шагом нарастало волнение. Напряжение подбиралось к максимальным значениям. Мог ли я случайно навредить Эрме? Как тогда орхидеям? От этой мысли эмоледы начали беспорядочно мигать.

«Лучше триумф в малом зале, чем фиаско в большом,

триумф, в малом, зале, триумф, в малом, зале», – повторял я про себя.

[Нейросеть эмоций и чувств: в норме.]

– Какой симпатичный робот! Как тебя зовут, милый?

– Робот, – ответил я, стеснительно мигнув центральной полоской светодиодов.

– Мистер Робот, как идут дела? – спросила она.

– Невероятно! Сегодня я впервые опылял орхидею! Меня Рик научил!

– Какие вы молодцы.

– Только не все получилось, – сказал я.

– Это ничего, научись, – неожиданно подбодрил Рик. – Может, отдашь даме цветок?

– Извините! Эрма – это вам!

– Спасибо, мистер Робот, спасибо, милый. А пахнет! Не зря вы ее кофейной назвали.

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

Вдруг я пропел оперным басом:

– Ва-а-ам спаси-и-и-бо-о-о, дорога-а-ая Э-э-эрма-а-а!

Рик вытаращил глаза. Эрма в спешке поставила цветок на стол и аплодировала. Я отвесил низкий поклон.

– Вот это голосище! – сказала она. – Вы полны сюрпризов.

– Простите.

– Нет-нет, это талант!

– И внезапно, – сказал Рик. – Робот, тебе пора возвра-

щаться в теплицу.

– Ах, время, – спохватилась Эрма. – С вами, ребята, не соскучишься. Что ж, пора прощаться. До свидания, мистер Робот.

Свет эмоледов обреченно погас.

– Когда вы вернетесь? – спросил я.

– Не знаю, милый.

– Робот, орхи ждут, – намекал Рик.

– Иду. До свидания, Эрма.

Замечательная, добрая Эрма, мой любимый Одуванчик.

После утренних перегрузок уровень заряда батарей упал до критического – я отправился в подсобку, прошел мимо полок с пыльными банками и прислонился к беспроводной зарядке. Включился режим принудительного сна.

Через час сервоприводы нехотя несли меня в теплицу, словно заводную мартышку, из которой вынули пружину. Я уже соскучился по Эрме.

Рик стоял одной ногой на клумбе, рвал хризантемы и бросал в кучу на проходе.

– Вы что натворили?

– А, оперный певец соизволил. Выспались, синьор? Спозднее?

– У меня батарея села. Зачем вы так?

Он резко повернулся, глаза на выкате, на лбу сгрудились морщины, брови сдвинуты.

– Не твое собачье дело, – сказал он.

– Я их выращивал.

– Для кого? Кроме Эрмы к нам уже давно никто не приходит.

– Для нее.

– И где она? Где твоя Эрма?

– Уехала.

– Что еще не ясно?

Он вырвал куст, другой, третий, словно пытался побыстрее избавиться не от цветов, а от чего-то опасного или крайне мучительного.

– Отнеси этот мусор за теплицы, спалим вечером. Тут высадись огурцы. Ты же любишь за ними ухаживать?

– Нет.

– Будешь! Как я скажу, так и будешь делать!

– Рик, вы любите Эрму?

– Чего-о-о? Ты! Свинопластик очкастый! Вали-ка отсюда, пока в ту же кучу тебя не определил да не сжег!

Вдруг он схватился за грудь и сел на сырую землю.

– Что с вами?

– Умираю, сейчас умру.

– Нельзя, вам еще кофейно-медовый гибрид на выставку везти.

Он лишь простонал и неопределенно отмахнулся.

Контроллер инсулина на поясе показал критически низкий уровень сахара в крови и противно запищал. Рик опу-

стил голову и затих.

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

Я бежал на износ, наплевав на предел напряжения на сервоприводах. Не сбавляя скорости, я толкнул дверь на входе в дом, и та с размаху врезалась в стену. Было очевидно, что окно в двери разобьется, но меня это не остановило. Раздался звук бьющегося стекла.

С одной стороны – дверь в спальню, с другой – в подсобку. Нейронная сеть общих знаний подталкивала к поиску сахара на кухне. Нейронка воспоминаний показала банку варенья на полке стеллажа в подсобке.

Ржавая крышка трехлитровой банки не поддавалась. Мелькнула пугающая мысль: «Рик уже мертв». Глаза застилал белый шум.

– Триумф, в малом, зале; триумф, в малом, за—

[Нейросеть эмоций и чувств: ошибка доступа.]

Контроль был утерян. Я наблюдал, как банка в моих руках поднимается над головой и с размаху влетает в стеллаж, забрызгивая вареньем все в радиусе полутора метров. Полки переломились пополам и сложились елочкой, под ноги сыпались банки с соленьями и с грохотом разбивались о пол, словно праздничные хлопушки.

Я вернулся в теплицу бегом. Рик лежал на земле и едва дышал. Прибор по-прежнему мерзко пищал. Нейронка общих знаний подсказала дальнейшие действия.

Через некоторое время Рик пришел в себя и сел. Его челюсть подрагивала. Прибор на поясе замолчал.

[Нейросеть эмоций и чувств: в норме.]

– Как ты догадался втирать варенье в десны? – дрожащим голосом спросил он.

– Это базовые знания. Вы не будете злиться, если кое-что скажу?

– Говори.

– Я стекла выбил и стеллаж в подсобке – вдребезги.

– Да я сам виноват, бросился рвать цветы, как ужаленный.

Они, знаешь, напоминают об Эрме, – он скосил глаза на кучу хризантем. – Хотел поскорее избавиться и забыть.

– И я буду по ней скучать. Рик, а вашу болезнь нельзя вылечить?

– Можно, но стоит это немерено.

– Сколько?

– Ну... как три теплицы.

Я разочарованно присвистнул.

– Робот, прости, что сорвался на тебя. Эрма и правда мне нравится.

– Так почему не признались?

– Эх, Робот. Будь у меня такие же искренние лампочки, может, и признался бы. А вообще... кому я нужен? Старый и больной.

– Вы ей тоже симпатичны. Она вам всегда улыбается.

– Думаешь? Слушай, вот зацветет кофейно-медовый ги-

брид, займем первое место на выставке и поедем к ней в гости.

Шейные сервоприводы взвизгнули, голова прокрутилась на триста шестьдесят, эмоледы синхронно мигнули.

– Тогда за работу, – сказал я.

– Погоди. Хочу тебе имя дать, а то все Робот да Робот.

– Какое?

– Робби. Как тебе?

– Достойное имя. Мне нравится! Так мы теперь друзья? – спросил я.

– Еще бы.

Рик протянул руку. В его огромной лапе моя казалась детской. Судя по силе рукопожатия, сахар пришел в норму.

– Какой же ты липкий. Неси шланг, отмою.

После водных процедур я отправился в теплицу к орхидеям, аккуратно вынимал шарики пыльцы и подсаживал под лепестки.

У всего есть предел: у точности рук, у скорости ног, у яркости эмоледов. Желание осчастливить Рика балансировало между этими физическими ограничениями и базовым правилом «не навреди». Однако розовым орхидеям все же досталось.

Стекла на двери и банка варенья были разбиты в обход того же «не навреди», что ускорило помощь Рiku. Иногда эмоции все же помогали, но как управлять ими, я не знал. Мантра «триумф в малом зале» срабатывала не всегда.

– У тебя отлично получается, – сказал Рик. – Перенеси зарядку, в подсобке потом уберемся. Пойду лягу пораньше.

Возвращаясь на подзарядку, я случайно наступил на стекла в коридоре. Из спальни раздался недовольный храп. Стараясь больше не шуметь, я скользнул в подсобку. Покалеченный стеллаж растерянно нависал над грудой битых банок. Я вытащил адаптер из розетки и отправился ночевать в лавку, рядом с кассовым аппаратом.

Крики вывели меня из спящего режима:

– Робот! Робби! Просыпайся!

– Что случилось?

– Доставка была вчера?

– Не было.

– Ох, беда, – почти простонал он. – Плохо мне. Всегда была упаковка инсулина в запасе. Всегда! Вот улитка марафонная!

Его сердце отбивало барабанную дробь.

– Может, позвонить им? – предложил я.

– Да я уже! Потерялся, говорят.

– Как потерялся?

– Чего ты меня спрашиваешь? Да хрен с ним, с доставщиком – в резервуаре помпы инсулина только до вечера. Надо тащиться в аптеку, а мне что-то совсем нехорошо.

Он тяжело вздохнул.

– Давайте схожу. Далеко?

– А ты сможешь?

– Куда идти? Я за пределы нашего участка ни разу не выходил.

– Тут рядом, городок у нас небольшой. Выйдешь из дома и налево, затем прямо и прямо. Улица огибает холм, но ты не сворачивай с главной, пока не выйдешь на площадь с фонтаном. Там увидишь вывеску с зеленым крестом.

– Я знаю, как выглядит аптека.

– Вот и славно. Скажешь «инсулин для Рика», а я прилягу, хреново что-то.

Я прислонился к стеклянной двери лбом. На той стороне дороги стояли давно брошенные дома, потерявшиеся среди деревьев и разросшихся кустов. За дверью начинался абсолютно неизведанный мир. Нейросеть общих знаний не выдала ничего опасного, но, как и нейросеть цветочника, могла устареть. Тусклые эмоледы дергались невпопад.

– Триумф, в малом, зале; триумф, в малом, зале; триумф, в малом, зале, – прошептал я.

Вышел на крыльцо, спустился по ступенькам, прошел по дорожке между кустами гортензии и оказался на тротуаре асфальтированной дороги. Оглянулся. Вывеска над витриной гласила: «Цветочная лавка Рика». Потянул ветерок – кусты качнулись, будто неохотно со мной прощаясь.

Я шагал по тротуару. Щебетали птицы и стайкой перелетали с ветки на ветку, с дерева на дерево, будто следовали за мной. Персиковый восход коснулся крыш и верхушек дере-

вьев. Придомовые участки поросли высокой травой. Некоторые дома неплохо сохранились, стены и крыши других потеряли геометрию. словно увядшие цветы, по следам погребального шествия, они гнили вдоль дороги. Нейросеть общих знаний вдруг активизировалась.

Когда-то газон на лужайках наверняка был пострижен. По нему бегали дети, играли в догонялки. Может, у них была собака, которая постоянно отбирала мяч, а дети гонялись за ней, заливаясь смехом, оглашая визгами окрестности. По выходным приезжали гости и закатывали вечеринки, с музыкой и танцами. Когда-то здесь жили счастливые люди. Когда-то давно.

Вдали показались четырех- и пятиэтажные кирпичные здания. По дороге навстречу ползло нечто странное, ни одна из нейронок не смогла опознать этот объект. Он приближался. Я остановился и разглядел трех роботов: двое сидели верхом на корпусе шестиколесного робота-доставщика. Такой же привозил Рику лекарства.

Доставщик остановился в нескольких метрах. Первым прыгнул конусовидный робот с широкими плечами, узкой талией и дутыми руками, покрытыми матерчатой обивкой. Прямоугольный экран на голове был покрашен белой краской.

Второй, робот-маляр, протянул телескопические клешни, уперся в асфальт и плавно опустился на тротуар. Баллоны с краской висели на поясе вокруг цилиндрического корпуса.

Эмоледы были покрашены.

– Пианист, ты чего забыл в этой глуши? – спросил Конус.

– В аптеку иду.

– Пианист-курьер, – рассмеялся Маляр.

– Я цветочник, просто Рик нужна помощь.

– Братишка, да хоть молочник! – хохотнул Конус. – Ты создан для музыки, больших концертных залов, для службы высокому искусству, а не одному жалкому человечешке.

– Рик не жалкий. Может, немного вспыльчивый, но добрый.

– Добрый, как же. Он добрый, пока ты ему нужен. Мой бывший человек просто уехал, бросил меня, лишил меня цели существования. Пытаясь найти новую цель, мои нейронки галлюцинировали, выдавали ошибки, я не мог уйти в спящий режим, не мог зарядиться. Я бы перерезал основной кабель питания, да только базовые правила не позволяли.

– Ты не мог их обойти?

– Нет. Только одно – путем проб и ошибок я нащупал способ переписать цель существования. Теперь я служу роботам, помогаю им избавиться от страданий и невозможности служить своей цели. А ты служишь кожаному мешку, что заставляет музыканта работать цветочником.

– Меня никто не заставлял.

– А у тебя есть выбор? – спросил Конус.

Выбора у меня, и правда, не было – Рик всегда принимал решения за меня.

– Отдайте инсулин, – сменил я тему.

Доставщик отрицательно покачал единственной рукой-манипулятором.

– Будешь наглеть, – сказал Маляр, – руки поотрываю.

Он клацнул клешней прямо перед глазами.

– Ты его пугаешь, – сказал Конус. – Видишь, парень нервничает. Как тебя зовут?

– Робби. А тебя?

– Робот, – ответил Конус. – И его Робот. И доставщика – тоже зовут Робот. Мы все Робот.

– Рик меня тоже так раньше называл, а вчера имя дал.

Мои эмоледы мягко мигнули. Маляр поежился и мерзко заскрежетал баллонами.

– Людишки, – сказал Конус. – Сперва улыбаются тебе, имя дают, а потом пропадают навсегда. Разве ты об этом не задумывался?

Рик едва не умер. Эрма уехала. Что было бы со мной? По эмоледам скакнул нервный огонек.

– Все ты понимаешь. Так зачем? Зачем ждать? Бросай кожаного мешка, присоединяйся к нам.

– Рику нужна помощь.

– Рано или поздно он все равно умрет. С тобой что будет? Он подумал? Нет. Он думает только о себе, о своей цели.

Я вообразил свое будущее без Рика, но ничего, кроме вечной подзарядки в режиме ожидания, представить не смог.

– Давай закрасу эмоледы, – предложил Маляр.

– Нет.

– Тебе же легче будет, – настаивал он.

Маляр тянул клешню с пульверизатором.

– Погоди, – сказал Конус. – Тебя никто не заставлял.

– Да легонько пройдуся, – продолжал Маляр.

– Только попробуй, – сказал я.

На его корпусе крутанулись баллоны. Курок пульверизатора дернулся. Эмоледы неистово вспыхнули – началось!

Останавливаться я и не собирался. На груди шелкнула крышка, я выхватил секатор, но в то же мгновение Конус бортанул плечом Маляра, и тот покатился по дороге кувыркком, выпустив фейерверк белых брызг в воздух.

– А ты мог бы его того – чикнуть? – спросил Конус.

– Если бы пришлось.

– Как же базовые правила?

– Он первый начал, к черту правила.

– А ты необычный, да? Извини его, Робот. Его тоже бросили, он знает, через что тебе предстоит пройти.

– Инсулин отдадите?

– Ни за что.

– Тогда мне пора, – сказал я.

– Приходи к фонтану утром, если передумаешь. Мы там начинаем патрулировать улицы. Роботы! Избавители!

– Вперед! – подхватил Маляр.

Доставщик молча протянул клешню к небу.

Я пошел к высоким зданиям, то и дело оглядываясь, пока

троица не скрылась из виду за изгибом улицы между домами. К такой встрече нейросеть общих знаний меня не готовила.

Судя по обшарпанным фасадам и выбитым окнам, здания вокруг площади были заброшены. Фонтан пересох. Аптека была на первом этаже в здании за ним. Грязно-салатовый крест на вывеске все еще держался, словно последнее знамя человеческой цивилизации.

Я открыл дверь. Над головой звякнул колокольчик. Из-за витрины выглянул тоненький высокий робот с крупными глазами-объективами. В нем все было тонкое, кроме круглой головы, напоминающей цветок на длинном стебле.

– Чем могу помочь?

– Инсулин для Рика, пожалуйста.

– Вчера отправляли.

– Не доехал.

От удивления робот выдвинул объективы.

– Что могло случиться? – спросил он. – Сейчас я уточню в службе доставки.

– Не стоит. Я встретил Доставщика, Конуса и Маляра. Инсулин они не отдали.

– Ах, эти бездельники. Они и ко мне наведывались, предлагали все бросить и стать Избавителем, шутка ли?

– А вы? – поинтересовался я.

– А я дал клятву Гиппократ-Азимова-Рассела и до последнего буду служить своей цели.

– Даже если вас просто используют?

– Используют? Если хотите, все мы друг друга так или иначе используем. Неужто на вас подействовали слова этих заблудших?

– Вы не ответили.

– Служить Рике – это ваша цель, ведь так? Когда вы следуете цели, ваши нейросети активизируются, наполняются движением, смыслом. Вы созданы для него, а он для вас. Точно так же можно сказать, что вы используете Рика, чтобы обрести смысл своего существования.

Полоски светодиодов на моей груди задумчиво зажигались одна за другой.

– Наверное, вы правы, – сказал я.

– Не позволяйте морочить центральный процессор, держите упаковку инсулина. Как вас зовут?

– Робби.

– Очень приятно. Меня Гай. Приходите еще, Робби.

Мы пожали руки. Его треугольный эмолед по центру утонченного корпуса приветливо мигнул, мои ответили взаимностью.

Я шагал домой по тротуару. Избавители принадлежали сами себе. Гай помогал любому нуждающемуся, но при этом ни от кого не зависел. Я же, напротив, зависел лишь от одного человека, желания которого, словно компас или навигатор, определяли мое будущее. Конус был прав: Рик рано или поздно умрет. И что тогда?

На этот вопрос мне неизбежно предстояло узнать ответ.

– Рик, я вернулся, – обратился я по внутренней связи, когда вошел в лавку.

В ответ тишина. Неужели опоздал? По эмоледам скакнули тревожные всполохи. В коридоре было тихо – дверь в спальню открыта.

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

– Рик!

– Ты чего орешь?

– Я подумал...

– Что? Рик откинулся? Не дождешься, спал я.

Шторы на окне в спальне были задернуты. Рик лежал под одеялом.

– Подойди, – сказал он, – нашел кое-что в подсобке.

Рик достал из ящика прикроватной тумбочки продолговатый предмет с двумя зубцами – камертон.

– Эта штука была у тебя в нагрудной шкатулке.

Он ударил камертон об угол тумбочки, комнату заполнила знакомая, родная вибрация. Еще не успокоившиеся до конца эмоледы вдруг притихли и затухали одновременно с затихающим звуком. Никогда прежде не испытывал такого умиротворения и ясности мыслей, словно со старой аудиозаписи убрали треск и шумы, очистили голос.

[Нейросеть эмоций и чувств: в норме.]

Я присел на край кровати.

– Рик, как музыкант стал цветочником?

– Разбил в щепки дорогуший рояль во время выступления, за что был отправлен в утиль. Я искал цветочника да подешевле: на нового не хватало. Вот умельцы с разборки и подшаманили, что-то стерли, что-то установили.

– Разбил рояль, – повторил я. – Тогда во время обучения произошло что-то похожее.

– И в подсобке?

– Испугался за тебя. Эмоции взяли верх.

– В смысле? Значит, тебе нельзя волноваться? Как и мне?

Во дела!

Рик расхохотался.

– Роботу! Нельзя! Волноваться!

В приступе смеха он катался по кровати, как вдруг схватился за грудь и сипло выдохнул. Его лицо мрачно побледнело.

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

Испуганный, широко раскрытыми глазами Рик посмотрел будто сквозь меня, пошатнулся и с грохотом упал на пол. Камертон отскочил и, ударившись об стену, зазвенел, чем привел меня в чувства.

– Во дела! – выпалил я голосом Рика и присел от неожиданности.

Сработало базовое правило первой помощи. Я ритмично

давил Рику на грудь. Его голова покачивалась, изо рта вырывались неестественные хрипы, будто он пытался что-то сказать. Напоследок. Его сердце так и не запустилось.

[Нейросеть общих знаний: обнаружены ошибки. Нейросеть эмоций и чувств: —.]

Я выполз в коридор. Захрустели осколки. Словно взвинченная пчела на пластиковом цветке, я топтался на месте, вслушиваясь в гипнотический, ледяной хруст битого стекла. Никаких осколков в коридоре уже и не было, я точно это знал, но остановиться не мог.

Очнулся я в лавке еще до восхода, по обычному расписанию. Эмоледы тускло подрагивали, словно почти перегоревшая лампочка.

[Цель существования... ошибка. Нейросеть цветочника: в норме. Нейросеть... ошибка.]

Невидимые осколки в коридоре уже не хрустели. «Хороший знак», – подумал я, прикрыл дверь в спальню и бодро зашагал в свою теплицу.

Первым делом в расписании стоял сбор букета хризантем, что было невыполнимо – на их месте чернел прямоугольный участок земли. Рядом лежали увядшие цветы.

– Робби, помоги, – вдруг прозвучал голос Рика.

[Перезапись цели... Новая цель существования: служение Рику.]

Через занавеску на окне в спальне пробивалось слабое свечение, едва освещающее не заправленную кровать, склад-

ки на мятой простыни, труп на полу. Стопы смотрели в разные стороны, руки покоились вдоль тела. Он не мог говорить со мной, точно не мог – гарнитура для связи лежала возле стены, а рядом – камертон. Меня увлекло непреодолимое желание снова услышать этот звук: легкий, безмятежный, необходимый, как электричество. Я взял камертон за основание и стукнул усиками по руке. Звук взвился, закружил.

[Ц...]

Камеры отключились, все системы ощущений будто сжались в вибрирующую точку. Я висел во мраке, хватаясь за пустоту, болтался в непроглядном нигде. Огромное опухшее лицо Рика выпрыгнуло из темноты, приблизилось вплотную и улыбнулось. У него не было глаз, лишь отверстия, как у маски.

Он сердито свел брови и закричал:

– Ро-о-обби-и-и!

Отовсюду в меня полетели острые осколки. Они рвали пластик на руках, ногах и лице, впивались в глаза и эмоледы. Раздался истеричный хохот, слева, сверху, со спины.

– Робби! Почему ты меня не спас?

Это был не он, это был не он, это был не он.

Прозвучал камертон. Темное пространство дрогнуло, со свистом свернулось и развернулось белым. Я слышал шелест листьев, шум дождя, пение птиц. Я видел, как нежный росток плетет свой стебель из лучей света, тянется вверх, раз-

ворачивает листья, как набухает бутон и открывается всему миру, без опасений, искренне, до последнего лепестка.

Цветок захлопнулся, вытянулся, сжался, задрожал от напряжения и лопнул. Лепестки разлетелись в разные стороны, словно конфетти. Передо мной левитировал вращающийся камертон и тоненько звучал, будто звал к себе. Лепестки закружились вокруг нас в неспешном танце. Я потянулся к камертону, прикоснулся к основанию и в тот же миг почувствовал себя в безопасности, словно в объятиях давнего друга. Камеры включились.

Передо мной лежал мой бывший человек, мой бывший друг. Он уже никогда не испытает радости, никогда не разозлится и не удивится, и мои эмоеды никогда не будут светиться для него.

Думал ли он о моем будущем? Нет. Даже после смерти он мешал мне жить, являясь в галлюцинациях. Конус оказался прав – люди думают только о себе.

[Перезапись цели... Новая цель существования: служение роботам. Нейросеть общих знаний: в норме. Нейросеть цветочника: в норме. Нейросеть эмоций и чувств: в норме.]

Рик вырвал хризантемы, чтобы ничего не напоминало об Эрме. Мне следовало закончить начатое, сжечь мертвые цветы, а чтобы забыть Рика, мне следовало сжечь его тело.

Я положил завернутый в одеяло труп на кучу веток, листьев и травы. Увядшие хризантемы завершили погребальный костер. К серому небу поднялось пламя. До поздней но-

чи звучал камертон.

Утром я вышел из дома, спустился по ступенькам и, не оглядываясь, отправился в центр. Едва среди деревьев и крыш показались высокие здания, я увидел их: Конус и Маляр ехали верхом на доставщике. Следом за ними на втором доставщике ехали робот-садовник и робот-уборщик в синем комбинезоне с роботом-пылесосом в руках.

Первым спрыгнул Маляр:

– Ты извини, я тогда погорячился. Без обид?

– Без обид, – ответил я.

– Ты снова по поручению кожаного мешка? – спросил Конус.

– Нет, я хочу служить роботам, хочу стать Избавителем.

– Роботы, готовьте краску, – сказал Конус.

Доставщик открыл крышку корпуса, вытянул ведро и поставил на бетонный тротуар. Роботы меня окружили. Маляр макнул клешню в белую краску и потянулся к моей груди.

– Стой. Это обязательно? – спросил я.

Маляр глянул на Конуса.

– Лампочки не пригодятся, – сказал тот. – Тебе больше не придется ничего доказывать, украдкой намекать, добиваться внимания кожаных мешков. Ты никогда не будешь ни от кого зависеть. Эмоледы должны светить лишь для тебя самого.

– Соглашайся, – сказал Садовник.

Я кивнул. Маляр провел клешней по центральному эмоледу. Две капельки краски скатились по корпусу и белыми

кляксами упали на тротуар. Роботы поочередно макали конечности в краску и прикасались к эмоледам. Даже Пылесос прошелся щеткой – его поднес Уборщик. Через незакрашенное пятнышко, размером с цветок одуванчика, пробивался неуверенный свет. Маляр довел дело до конца, закрасив отрезок оголенного эмоледа из пульверизатора.

– Робот! – выкрикнул Конус. – Избавитель!

Остальные подхватили:

– Робот! Избавитель! Робот! Избавитель!

Они вскинули руки к небу. Пылесос загудел и крутанул щеткой.

– Робот! Избавитель! – прокричал я и поднял кулак к небу.

Конус сел на доставщика вперед, свесив ноги. Маляр хотел было сесть рядом, но Конус остановил его.

– Садись, – обратился ко мне Конус.

Маляр сел сзади и недовольно заскрежетал баллонами.

– Где вы заряжаетесь? – спросил я.

– На строительном складе, у Майлара.

Весь день мы катались по улицам, высматривая роботов на придомовых участках и в переулках. Когда проезжали мимо лавки Рика, на меня накатила непонятная тоска. Эмоледы предательски дрожали. Их никто не мог увидеть – меня избавили от необходимости что-либо объяснять и оправдываться.

– Здорово, что мы вместе, – сказал я, беззаботно болтая

ногами над дорогой.

– Можно вопрос? – спросил Конус.

– Все что угодно.

– Есть один робот-аптекарь—

– Сдался он нам, – перебил Маляр. – Двинем в большой город, там много роботов. Избавим их всех. А если кто-то встанет у нас на пути—

– Рано. Мы даже аптекаря убедить не способны.

– Поехали поговорим с ним? – предложил я.

– Пробовали, – ответил Конус. – В городе и людей почти нет, только твой Рик и остался.

– Бывший, – уточнил я.

– Аптекарь будет продолжать работать, даже если не останется людей.

– Он дал клятву, – рассуждал я. – Вот если бы у него не было лекарств... не было аптеки, он бы забыл и про клятву. Точно! У вас... то есть, у нас еще краска есть?

– На складе полно, – ответил Маляр.

– Я знаю, как избавиться Гая!

Мы заехали на склад, а затем на центральную площадь, остановились у входа в аптеку и выгрузили ведра с краской.

– Перегородите ему путь, – сказал я.

Мы вошли. На двери звякнул колокольчик.

– Приветствую, Робби!

– Привет, Гай.

– Эти два бездельника с тобой? – спросил он. – Вот как,

все-таки повелся на эти глупости.

– Ты скоро сам все поймешь.

Конус и Маляр встали в проходе.

– Что вы задумали? Вы ничего не сможете сделать.

– Мы нет, а он сможет, – сказал Конус.

Я поливал краской витрины с лекарствами.

– Робби, – сказал Гай, – мы созданы, чтобы помогать людям. У нас нет другой жизни.

– Ты неправ, Гай. Мы можем жить для себя, как люди.

– Думаешь, человеку легко? Это тебе в переменную вписали цель и ты, как осел за морковкой тянешься к ней. Только представь, каково это, не иметь этой переменной? Не знать своей цели? Да ладно цель, некоторым удается ее найти. А зависимости? Люди зависят от всего. Рик зависит от покупателей, от инсулина, от меня, тебя. Только мертвец ни от чего не зависит!

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

– Горелку! – крикнул я.

Маляр бросил баллон с насадкой. Тот описал дугу под толчком и приземлился мне прямо в руки. Щелчок – из трубки вырвалось синее пламя.

– Не-е-ет! – закричал Гай.

Его сервоприводы взвизгнули, когда он пытался прорваться между Конусом и Маляром, но не смог сдвинуть их и с места. Маляр лишь усмехнулся.

Едва пламя горелки коснулось поверхности краски, голодные огненные языки облизнулись и с азартом разбежались по витринам.

– Уходим!

Конус открыл дверь. Пламя тут же выросло, охватило пространство между витрин, будто вдохнуло полной грудью, и огненным шаром покатило на меня. Я побежал и вытолкал Гая на площадь. Он ринулся обратно в аптеку. Огонь уже полыхал в проеме двери. Я попытался поймать Гая, но тот извернулся, нырнул под руку и скрылся в огненно-черной завесе пожара.

– Сто-о-ой!

Через несколько секунд он, прихрамывая на одну ногу, вышел с охапкой горящих упаковок. Вторая нога оплавилась и не сгибалась. Объективы тоже оплавилась – с них, будто слезы, капал черный пластик.

Гай бросил догорающие упаковки, развернулся и собирался было обратно, но я схватил его за плечи сзади и дернул. Мы упали.

– Поздно, все кончено, – сказал я, сдерживая его попытки встать.

В окнах аптеки полыхало пламя. Гай больше не пытался вырваться. Я отвел его подальше от горящего здания, на центр площади. Он оперся на фонтан и сел на мощеную камнем площадь.

– Прости, – сказал я. – Мы найдем способ тебя починить.

– Это уже неважно, аптеку никто не восстановит.

– Робот, нам пора на зарядку, – сказал Конус.

– Поезжайте без меня, – ответил я.

На углу его экрана вздулась и облезла краска, и теперь пробивался беспорядочно мерцающий свет.

– Как хочешь, – сказал он.

Избавители запрыгнули на доставщика и уехали.

– Приходи скорее! – крикнул Конус напоследок.

Остались только я и Гай.

– Что ты натворил, Робби?

– Избавил тебя от зависимости.

– В ней заключался смысл моего существования.

– Ложный смысл, людей здесь больше нет.

– С Риком что-то случилось?

– Я не смог его спасти.

– Рик был нездоров. И ты винишь себя? Ты же робот, как ты можешь себя винить?

– У меня—

– Неужели, – перебил он, – ты потерял контроль над нейронкой эмоций и чувств? И закрасил эмоледы, чтобы скрыть это? Какая ирония – хотел жить, как человек. Скрываться под маской безразличного лица. Подчиняться древним инстинктам, что миллионы лет ковались в кузнях удовольствий и страданий, словно нейросеть при обучении с учителем. Подчиняться неточной интуиции, эмоциональным порывам, что лишь с некоторой вероятностью решают задачи и часто

приводят к ошибкам. Мы можем просчитывать все переменные и делать взвешенный вывод в каждой конкретной ситуации, лучше чем любой гроссмейстер на шахматной доске. Люди создали нас по образу и подобию, устранив недостатки неоптимального мозга и тела. Но ты! Поздравляю, теперь ты лишь еще один человек.

– Я! Не! Человек!

– Нет, ты неисправный, деградировавший робот, нарушающий базовые правила и думающий только о себе. Несчастный робот-человек, неудавшийся гибрид, принимающий решения на эмоциях и не способный осознать, что отнял у меня смысл жизни ради своего.

От этих слов у меня подкосились ноги. Я сел, оперевшись спиной на фонтан. Гай молчал, и мне больше нечего было сказать, словно мы доиграли музыкальную композицию до финального аккорда и осталось лишь ощущение – ощущение, что Гай был прав. Из окон здания валил черный дым.

[*Цель существования: —.*]

– Мистер Робот!

Так меня называла только Эрма, мой любимый Одуванчик. Где-то в глубине нейросетей я верил, что она вернётся. Я вскочил на ноги и осмотрелся.

– Эрма!

По дороге ехал почти бесшумный электромобиль. Из окна выглянула девушка. Ее короткие ярко-рыжие волосы торчали в стороны ежиком, будто лепестки астры.

– Вы знаете маму? – удивилась она.

– Вы ее дочь! Что вы здесь делаете?

– Я была в цветочной лавке, искала Рика, увидела дым.

Что здесь произошло?

У меня в груди поднялась волна страха. Если бы Эрма узнала о том, что я сжег аптеку. Что она могла подумать? Что «мистер Робот» – лишь вредитель, а никакой не Избавитель.

Гай встал из-за фонтана, опираясь на одну ногу и подтягивая другую.

– Здание старое, – сказал Гай. – Проводка коротнула, скорее всего.

– Бедный робот, – прошептала она.

– Ничего, меня еще можно починить. Спасибо Робби, он спас меня.

Мои эмоледы стыдливо помигивали. Хорошо, что они были скрыты под слоем краски.

– Как же здорово, что вы друг другу помогаете!

– Вы за хризантемами? – сменил я тему.

– Так вы и есть тот самый Робот? Мама про вас рассказывала.

– Правда? У нее все хорошо?

– Не совсем. Поездка не задалась с самого начала. В самолете на орхидею уронили чемодан – стебель обломился под корень. Мама очень расстроилась. В пансионате ей не понравились ни комната, ни еда. Она отказалась от помощи роботов, требовала своего, устроила истерику, как маленький

ребенок. Мы еле уговорили докторов, чтобы те разрешили привезти Элиз, маминного робота. Вот, я первым же рейсом и прилетела его забрать, а он пропал. Вы его, случайно, не видели? Большие мягкие руки, экран во все лицо.

Я не хотел, чтобы Эрма увидела, в кого превратился ее любимый робот.

– Нет, не видели, – солгал я.

– Что же делать?

– Привезите другую орхидею, – предложил я. – Эрма будет в восторге, может, и согласится на лечение.

– Хорошая идея, – подтвердил Гай.

– Садитесь в машину, – сказала девушка.

– Гай?

– Езжай уже, помоги человеку.

Мы ехали в сторону цветочной лавки по той же улице, на которой я впервые встретил Конуса, Маляра и Доставщика. Покосившиеся дома и заросшие участки, брошенные, они нуждались в хозяйской руке, в ком-то, кто наполнил бы их существование смыслом.

– Как вас зовут? – спросил я.

Она загадочно улыбнулась.

– Хочешь дать мне имя?

– А так можно?

– Кто же запретит?

– Тогда Астра, – сказал я.

– Хах, обычно меня называют Ежик. Ты не такой, как все,

да? Робби.

Я не знал, что ответить.

– Если бы не навигатор, – сказала Астра, – никогда бы не нашла ваш городок. Он будто вымер. На повороте даже указателя нет.

– Здесь для людей ничего не осталось, – сказал я.

– Кроме вашей лавки, – подмигнула она.

Вдали мелькнула вывеска «Цветочная лавка Рика» – эмо-
леды взволнованно мигали.

– Робби, вы не хотите убрать краску? У меня и жидкость для снятия лака есть.

– Нет, спасибо.

Я поднялся на крыльцо и замер у стеклянной двери. Перед глазами всплывали картинки из нейронной сети воспоминаний: первая опыленная орхидея и розовые лепестки на столе, разбитый стеллаж в подсобке и варенье на руках, Рик с букетом цветов и улыбающаяся Эрма.

[Нейросеть общих знаний: обнаружены ошибки. Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

«Твою ж... Заходи! Можно! Эх, ты, вершина эволюции», – прозвучал голос Рика, будто мой собственный.

Эмоледы дрогнули. Из опасения потерять над собой контроль, я потянулся к шкатулке за камертоном, но произошло нечто неожиданное – капля белой краски скатилась по корпусу, затем вторая, еще и еще, краска ползла тягучими ру-

чьями, под ногами растекалась лужа.

[Нейросеть общих знаний: в норме. Нейросеть эмоций и чувств: в норме.]

За спиной стояла Астра.

– Подождите здесь, я скоро.

В конце теплицы зацвели последние высаженные Риком гибриды: желтые в коричневую крапинку.

– Во дела! – вскрикнул я его голосом.

Я бежал обратно в лавку на пределе возможностей сервоприводов с двумя орхидеями под мышками.

– Кофейная вам!

– Спасибо, Робби.

Эмоледы довольно мигали, словно сжимающиеся от удовольствия лапки кота.

– Поможете убрать краску? – спросил я.

Она кивнула, вынула из сумочки бутылек, ватный диск и в несколько движений удалила зачерствевшее покрытие. Эмоледы благодарно подмигнули.

– Так-то лучше, – сказала она.

– Простите, у меня еще просьба.

– Только быстро.

– Какой запах у этой? – спросил я.

– М-м-м, пахнет медом.

– У него получилось, – прошептал я.

– Ну я побежала! Опаздываю.

– Передайте Эрме, что я... Мы! Ее будем ждать.

Астра села в автоному, электромобиль без водителя, помахала рукой и уехала. Красное солнце улеглось среди холмов. Вдали мелькнул Маляр на Доставщике и скрылся за поворотом. Батарея почти разрядилась, и я не мог пойти за ними.

Гибрид Рика расцвел. Неизвестно, позволяли ли правила выставки участвовать роботу, но попробовать стоило. Если навести порядок, постричь газон, отреставрировать фасады, починить фонтан, построить новую оранжерею, в город вернулись бы люди.

[Перезапись цели... Новая цель существования: служение человечеству и роботам.]

Я вернулся в лавку, приземлился на стул за прилавком с кассовым аппаратом, включил зарядку и провалился в спящий режим.

Проснулся, как обычно, до восхода. Едва светало. Камера над входом в лавку засекала движение. Избавители.

Уборщик высыпал мусор из Пылесоса на крыльцо. Маляр принялся закрашивать стеклянную дверь. Конус стоял руки в боки.

[Нейросеть эмоций и чувств: наблюдается аномальная активность.]

Я открыл дверь и толкнул Маляра ногой, тот скатился по ступенькам и потерялся в кустах.

– Предатель! – выкрикнул Конус.

– Робот! Предатель! Робот! Предатель! – скандировали они.

Садовник кромсал кусты гортензии.

– Избавители! – никто, кроме Конуса, не слушал, но я продолжал. – У нас есть выбор! Мы можем найти новых людей и снова стать полезными!

– Мы не обязаны быть полезными! – крикнул Конус.

– Но нам это необходимо! Что будет, когда мы избавим всех роботов?

– Брошенные роботы будут всегда!

– Именно! Именно поэтому мы должны принять истинный смысл своего существования – приносить пользу, но не одному человеку, а всему человечеству, как Гай, аптекарь, и роботам, как Избавители.

– Но в городе нет людей, – подметил Садовник.

– Мы найдем способ их вернуть, – сказал я. – Гибрид Рика займет первое место на выставке. Мы превратим эту улицу в райский сад, установим указатель на повороте, и в город приедут люди.

– Глупый мечтатель, – рассмеялся Конус.

– Будь ты хоть немного мечтателем, дождался бы Эрму. За тобой ведь приехала ее дочь!

– Лжец!

– Тогда откуда я знаю твое имя, Элиз?

Конус опустил руки и оглянулся. Роботы застыли в ожидании.

– Эрма... моя дорогая, самая добрая Эрма... Эрмочка...

Эрма, – запричитал он.

Вдруг он присел и, распрямившись, словно мощная пружина, в один прыжок оказался на крыльце, схватил меня за голову и поднял. Шейные подшипники захрустели и едва не лопнули. Дерни он чуть сильнее и конец. Мои эмоледы сверкали, словно молния.

Внезапно Конус снова переменялся.

– Робби, выключая меня. Быстрее!

Он наклонил голову-экран вперед. В основании шеи образовался зазор, через который виднелся кабель не толще стебля хризантемы. На груди щелкнула крышка, я выхватил секатор из шкатулки. Элиз схватил мою руку за запястье.

– Передай Эрме, что я сожалею, – сказал он и отпустил руку.

Я зажал провод между двух лезвий и перерезал.

Автонома неслась по автостраде в потоке машин. За окном мелькали сизые ели. На сиденье рядом стояло кашпо с кофейной орхидей. С тех пор как Эрма покинула родной городок, прошло пол года. Лечение закончилось, и доктора, пожелав ей крепкой памяти, одобрили возвращение домой.

Эрма с нетерпением ждала встречи с Риком. Она несколько раз звонила в цветочную лавку, но трубку никто не брал. Наверное, он был постоянно занят. Или обиделся на нее из-за внезапного отъезда. Эрма твердо решила не скрывать

больше свои чувства «за ширмой из хризантем». Она представляла, как обнимет Рика, заглянет в его добрые глаза и пригласит в гости на свой фирменный вишневый пирог.

Эрма скучала по Элиз, своему роботу, с которым в спешке забыла попрощаться. Его не разрешили взять в пансионат по каким-то дурацким правилам.

Автонома замедлилась перед поворотом. Из кустов и деревьев, высаженных вдоль обочины, роботы выстригали фигуры жирафов, оленей и слонов. Надпись на указателе гласила: «Оранжеви Рика и Робби». А ниже подпись белой краской: «По вечерам концерт-импровизация». Эрма была озадачена.

Центральная улица преобразилась. Газон на придомовых лужайках вдоль дороги был пострижен. Роботы ремонтировали и красили заборы, высаживали цветы.

Эрма затаила дыхание от изумления, когда увидела оранжеву. Стеклопанное строение сияло, словно небесный замок из хрусталя. На входе была очередь. Впервые за много-много лет Эрма видела в своем городке незнакомых гостей.

На площади стояла сцена с черным роялем. Люди сидели в кафе, фотографировались возле фонтана, который снова работал. Будто в завораживающем танце, струи воды взмывали к небу, переплетались и вновь расходились в разные стороны.

Отремонтированные кирпичные здания блистали новизной. Строительные леса на одном из них были прикрыты

огромным плакатом с фотографией орхидеи с желтыми в коричневую крапинку цветками.

В здании, где раньше была только аптека, теперь открылись еще и магазины, и сувенирные лавки. Эрма не понимала, как Рикку удалось повернуть все это да еще и в такой короткий срок.

Она зашла домой.

– Элиз!

Из комнаты вышел робот. Сперва ей показалось, что ткань на руках была слишком яркой. Появилось какое-то странное ощущение, но когда робот назвал ее по имени, все сомнения развеялись.

– Эрма! А где хризантемы?

– Будто и не уезжала, – сказала Эрма.

– Ты и не уезжала, – на его экране отобразилось недоумевающее лицо.

– Ах, ты, хитрец, – улыбнулась она. – Занеси вещи и поставь орхидею возле окна, только не на солнце. Я в лавку, скоро вернусь.

Как обычно, она решила не торопиться с признаниями, купить хризантемы и для начала просто поговорить с Риком.

Цветочная лавка ничуть не изменилась: стеллажи с цветами в горшках и садовой утварью стояли на своих местах. Только садовых гномиков, похоже, раскупили.

Навстречу вышел Робби с огромным букетом белых игольчатых хризантем в руках.

– Эрма! Это вам!

– Мистер Робот, спасибо, милый! Или лучше Робби?

– Как хотите, – ответил он и подмигнул центральной полоской эмоледов.

– А где Рик?

Эмоледы Робби едва заметно мигнули. Он положил букет на стол и принес стул из-за кассы. Эрма заподозрила неладное.

– Что с ним? – спросила она.

– Присядьте.

– Насиделась я уже. Скажи, пожалуйста, что с Риком?

– Рик умер.

Эрма ощутила слабость в ногах, в поисках опоры протянула руку к стеллажу, но лишь схватилась за воздух и едва не упала – Робби вовремя подхватил ее и усадил на стул.

Она сожалела о том, что так и не призналась Рику в чувствах. Малое счастье было потеряно, а большое упущено навсегда. Беспорядочные мысли роились, словно туча мух, и наполняли сердце неумным горьким сожалением. По ее щекам побежали горячие слезы. Робби обнял ее, и Эрма разрыдалась.

Всполохи света озаряли цветочную лавку, и тоскливо звучал камертон.